

Глава 1. Скорь по былому

Уезд Пуцзян, Южная Сун

Государство рухнуло, но горы и реки остались. Весна окутала город густыми травами и печальным забвением.

Второй год под девизом Цзиньянь, правление императора Дуань-цзуна. Март. В уезде Пуцзян, что к юго-западу от Линьяня, сеялся бесконечный мелкий дождь.

С тех пор как в феврале прошлого года монгольская армия захватила Линьянь, величественная династия Южная Сун, просуществовавшая более века, окончательно пала. Государственный дядя Ян Лянцзе, спасая восьмилетнего императора и его мать, госпожу Ян Шуфэй, бежал из Линьяня под покровом ночи. Слово затравленные псы, они неслись прочь, не разбирая дороги.

Столица пала, и теперь ничто не преграждало путь железной коннице монголов. Кочевники хлынули на юг, сметая всё на своём пути. Остатки сунской армии бежали, рассыпаясь, как гора песка под ветром. У солдат и военачальников не осталось воли к борьбе; они бросали оружие, снимали доспехи и открывали ворота, надеясь вымолить себе право на жалкое существование в пламени этой великой катастрофы.

«Раз уж сам Сын Неба ударился в бега... кому ещё дорога жизнь?» — думали воины, пряча застывшие, безразличные лица.

Войне не было конца. С тех пор как в третий год правления под девизом Сяньчунь монголы начали осаду Сяньяна и Фаньчэна, прошло десять лет. Десять лет бурь, лишений и пожарищ. И даже такой маленький уезд, как Пуцзян, не миновала общая горькая участь.

Ли Ханьсу умирала прямо посреди тракта. Её пожелтевшие, секущиеся волосы разметались по земле, намокая под дождём, словно пожухлая сорная трава. Она едва заметно вздрагивала сухими, потрескавшимися губами, а на холодном ветру дрожала костлявыми руками, покрытыми сетью морщин, как старая кора.

Два года скитаний превратили некогда изысканную благородную даму в тень человека. Ввалившиеся глазницы, серовато-бледная кожа... Она смотрела затуманенным взглядом в серое небо, словно в эти последние мгновения пыталась воскресить в памяти годы беззаботной юности.

— Господин... — едва слышно прошептала она.

— Матушка, что вы говорите? — юноша, припавший к её плечу, отчаянно ловил каждое слово.

Звали его Сун Чжи. На вид ему было лет двенадцать-тринадцать: измождённый, болезненно худой, с острым, испачканным в грязи подбородком. В его ввалившихся, но всё ещё чистых глазах стояли слёзы.

Услышав голос сына, Ли Ханьсу с трудом повернула голову. Это простое движение, казалось, лишило её последних сил. Она посмотрела на него с теплотой. Она хотела коснуться его лица, но рука так и не поднялась.

Жизнь уходила. Она угасала, теряя фокус взглядом. Но перед самым концом, словно в последней вспышке угасающего костра, она широко распахнула глаза и уставилась на другую женщину — служанку, припавшую рядом. Ли Ханьсу беззвучно открывала рот, горло её хрипело, но ни одного внятного слова так и не сорвалось с губ.

— Госпожа, не тревожьтесь, — Сю-нянь рыдала, утирая слёзы рукавом. — Обещаю вам... я жизнь положу, но... но защищу молодого господина. Буду беречь его пуще глаза своего.

— Уходите с миром.

Услышав это, Ли Ханьсу будто обрела долгожданный покой. Последнее усилие, державшее её в этом мире, иссякло. Она слабо, едва уловимо улыбнулась. Она медленно закрыла глаза, и дыхание её прервалось.

— Матушка! — истошно закричал Сун Чжи, бросаясь на ещё тёплое тело. Он захлебывался рыданиями, не в силах вымолвить больше ни слова.

— Госпожа! — Сю-нянь пала ниц перед умершей, содрогаясь от горя.

За последние два года они не раз проходили по краю бездны. Спутники гибли один за другим, и вот теперь смерть забрала их хозяйку.

Женщины рыдали навзрыд, но трое монгольских воинов в тяжёлых доспехах оставались безучастны. Прислонившись к крупам лошадей и скрестив руки на груди, они лениво переговаривались, поглядывая на сцену с жестокой усмешкой. Крики и стоны не трогали их.

Один из воинов, верзила, сплюнул:

— Померла? Ханьцы — народ никчёмный. Слишком быстро сдаются.

Другой, со шрамом через всё лицо, покачал головой:

— Жаль. Баба-то, видать, была справная, породистая.

Верзила хохотнул:

— Так вторая-то жива! Не такая статная, как покойница, но тоже ничего.

Договорив, он, не дожидаясь ответа товарища со шрамом, направился к Сю-нянь.

— Чур, в этот раз я первый. В следующий — ваша очередь.

Обладатель шрама, помня, что в прошлый раз первенство досталось ему, легко согласился:

— Ладно, валяй.

Третий, бородач, лишь недовольно ворчал под нос, но перечить не стал.

Монгол подошёл вплотную. Его массивная фигура накрыла Сю-нянь тяжёлой тенью. Женщина подняла затуманенный слезами взгляд и, прочитав в глазах солдата его грязные намерения, в ужасе отшатнулась.

— Не прячься, — оскалился монгол. — Уж я-то тебя приласкаю!

Сун Чжи, осознав происходящее, вскинул голову. На мгновение страх сковал его, но обида и жгучая ненависть оказались сильнее. Он бросился на верзилу, вцепившись в его доспех:

— Чудовище! Верни мою маму! Слышишь, верни!

Монгол нахмурился и коротким, небрежным движением отшвырнул мальчика. Сун Чжи отлетел в сторону, ударившись головой о землю. В глазах потемнело, из носа брызнула кровь.

В этот миг Сю-нянь вдруг заговорила. Она заставила себя улыбнуться — жалко, заискивающе, но с какой-то отчаянной призывностью.

— Господин офицер...

Сю-нянь когда-то была служанкой в великом доме; её манеры, даже сейчас, разительно отличались от повадок деревенских баб. Несмотря на измождённый вид и грязную одежду, она была молода — нет и тридцати. В её взгляде, полном нарочитого кокетства, сквозило нечто

такое, что заставило воина замереть.

Верзила замер, привлечённый её вкрадчивым голосом. Он мгновенно забыл о мальчишке и обернулся к женщине.

Сю-нянь закусила побелевшие от стыда губы и, делая вид, что смущается, опустила голову:

— Господин... здесь ведь тракт... люди кругом... средь бела дня...

Монгол понимающе захохотал:

— И то верно! Ну, пошли, найдём местечко поуютнее!

Он подхватил Сю-нянь на руки и зашагал к густым придорожным зарослям.

— Сю-нянь! — Сун Чжи, придя в себя, увидел, как её уносят, и в панике закричал.

Женщина, заметив, что солдат собирается обернуться, быстро обвила его шею рукой, а другой коснулась его груди, лаская металл доспеха. Успокоив насильника, она выглянула из-за его плеча и впилась взглядом в Сун Чжи. В её глазах, полных невыносимой боли, светились безумная храбрость и решимость.

Этот взгляд заставил Сун Чжи замолчать. Он зажал рот ладонью, глядя, как заросли поглощают их фигуры. Слезы высохли сами собой.

«Я не должен умирать», — единственная мысль билась в его голове.

Из кустов не доносилось ни звука. Время тянулось невыносимо медленно. Оставшиеся на дороге солдаты — со шрамом и бородач — начали проявлять нетерпение.

— Что он там застрял? Не придушил ли её ненароком?

— Если придушил, то, считай, в одиночку попользовался. Не по-товарищески это.

Пока они ворчали, за их спинами раздалось приглушённое ржание. Звук копыт по плотно утрамбованному тракту становился всё отчетливее.

— Кто там ещё?! — рявкнул меченый, хватаясь за саблю.

На повороте показался всадник на белоснежном, без единого пятнышка, скакуне. В седле

сидел юноша лет пятнадцати. На нём была богатая шуба из серебристой лисы и оленьи сапоги, а на поясе висела длинная сабля в дорогих ножнах.

Он был широкоплеч и крепок, как истинный монгол, но волосы его не были выбриты по обычаю кочевников. Он выглядел ледяным и высокомерным из-за густых бровей, вразлёт уходящих к вискам, и тяжёлых век. Он смотрел на солдат сверху вниз, храня молчание, и от всей его фигуры веяло такой силой, что солдаты невольно подобрались.

Увидев всадника, рядовые сразу поняли: перед ними отпрыск важной особы. Они поспешно отсалютовали.

Белый конь, под стать хозяину, надменно фыркнул прямо в лица пехотинцам.

— Чем вы тут заняты? — спросил юноша на ломаном, но властном языке ханьцев. Он скользнул взглядом по телу Ли Ханьсу и окровавленному лицу Сун Чжи.

Солдаты замаялись. Бородач криво усмехнулся:

— Да вот, проучили немного строптивого ханьца.

— Проучили? — тот, казалось, не знал этого слова.

Меченый поспешил объяснить на монгольском.

Всадник всё понял. Он ещё раз посмотрел на грязного, дрожащего Сун Чжи. Что могли сделать этим воинам беззащитная женщина и ребёнок?

— Вы разве не слышали приказ генерала Баяна? — в его голосе прозвучала угроза. — Было чётко сказано: прекратить беспричинные убийства мирных жителей.

Меченый помрачнел, он заискивающе кивнул:

— Так точно, господин. Мы помним.

Юноша обернулся — карета сопровождения ещё не показалась на горизонте. Он направил коня к Сун Чжи и, возвышаясь над ним, спросил:

— Эй, малец. Отвечай: это они убили твою мать?

Сун Чжи настороженно вскинул голову, не понимая, к чему клонит этот знатный монгол. Помедлив, он едва заметно кивнул.

Он тонко усмехнулся, и в этой улыбке промелькнуло нечто пугающее.

— Хочешь, я убью их прямо сейчас? Отомщу за твою мать, идёт?

Бородач и меченый побелели. И не только от слов мальчишки — в конце тракта показалась тяжёлая карета, запряжённая пятёркой лошадей. Такой выезд полагался лишь чиновникам высших рангов.

Тот развернул коня к солдатам. Он продолжал улыбаться.

— Генерал отдал приказ, а вы его нарушили. Нарушение воинской дисциплины карается смертью... Генерала здесь нет, так что приговор исполню я.

Солдаты хотели что-то возразить, но тот действовал молниеносно. Вспышка стали — и голова бородача покатила по пыльной дороге. Кровь брызнула фонтаном.

Меченый рухнул на колени, дрожа всем телом. Если раньше он боялся титула этого юнца, то теперь он боялся его клинка.

— Господин, пощадите! Мы виноваты, виноваты! Бес попутал!

Он поморщился, словно от зубной боли:

— Никчёмный мусор.

Взмах сабли — и тело солдата повалилось наземь, разрубленное почти надвое.

Если прежние трое казались Сун Чжи просто злыми людьми, то этот юноша виделся ему самим демоном. Мальчик из последних сил зажимал рот рукой, чтобы его не вывернуло наизнанку.

Монгол покосился на него:

— Жалкое зрелище. Ты даже хуже этого мусора. Тратить на тебя хлеб — одно расточительство.

Он поднял саблю. Кровь соотечественников медленно стекала по лезвию. Тот брезгливо вытащил шелковый платок, принялся вытирать сталь и задумчиво разглядывать мальчишку.

Перед ним сидел заморыш. Худое лицо, огромные глаза, в которых застыл недетский ужас. Он весь дрожал, сжимал в кулаке какой-то дурацкий камень, но при этом смотрел прямо и не просил пощады. Упрямый, как осёл.

В этот момент из кустов выскочила Сю-нянь. С быстротой выпущенной стрелы она бросилась к Сун Чжи и закрыла его собой, словно птица — птенца.

— Сю-нянь! — выдохнул мальчик.

Женщина прижала его к себе, заслоня своим телом, и принялась лихорадочно гладить по спине:

— Малыш, всё хорошо... не бойся... Сю-нянь здесь... я защищу тебя...

<http://bllate.org/book/17487/1691744>